

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.29>

Бижоев Борис Чамалович, Хежева Марьяна Рашадовна

Лексемы с семантикой единичности и первоначала в кабардино-черкесском языке: этноспецифика и функционирование

Цель исследования - выявить основные семантические особенности функционирования лексем зы ("один"), япэ ("первый"), закъуэ ("одинокий", "единственный") в кабардино-черкесском языке. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в кабардино-черкесском языкознании осуществлен комплексный анализ семантики функционирования культурно значимых нумеративов зы, япэ и закъуэ с этнолингвистической точки зрения. Полученные результаты показали, что в кабардино-черкесском языке исследуемые лексемы могут иметь как положительную, так и отрицательную семантику, их семантические особенности функционирования зависят от контекста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 143-147. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Языки народов Российской Федерации

Languages of the Russian Federation

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.29>

Дата поступления рукописи: 30.09.2020

Цель исследования – выявить основные семантические особенности функционирования лексем *зы* («один»), *япэ* («первый»), *закъуэ* («одинокий», «единственный») в кабардино-черкесском языке. **Научная новизна** исследования заключается в том, что впервые в кабардино-черкесском языкознании осуществлен комплексный анализ семантики функционирования культурно значимых нумеративов *зы*, *япэ* и *закъуэ* с этнолингвистической точки зрения. **Полученные результаты** показали, что в кабардино-черкесском языке исследуемые лексемы могут иметь как положительную, так и отрицательную семантику, их семантические особенности функционирования зависят от контекста.

Ключевые слова и фразы: кабардино-черкесский язык; функционирование нумеративов; семантика; этнолингвистика.

Бижоев Борис Чамалович, д. филол. н.

Хежева Марьяна Рашадовна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик
bizhoev1952@mail.ru; maryana.khezheva@yandex.ru

Лексемы с семантикой единичности и первоначала в кабардино-черкесском языке: этноспецифика и функционирование

Введение

Число «один» как первый элемент числового ряда несет особую семантическую нагрузку. Один символизирует бытие и открытие человеку духовной сущности. Это активный принцип, который, раскалываясь на фрагменты, приводит к многообразию, приравнивается к мистическому Центру, Светящейся Точке и к Высшей силе [11, с. 576]. Единица – символ вертикально стоящего человека (микросома), а также символ творческого начала, силы, энергии, доблести, красоты, превосходства, символ Вселенной, Бога, удачи, любви, целомудрия, справедливости [15, с. 390]. Особый интерес, на наш взгляд, представляет происхождение числа *зы* («один»). В кабардино-черкесском языке обнаруживается связь этого обозначения с местоимением. Ср. *зы* («один») и *езы* («сам»). Понятие «один» формировалось на основе процесса выделения человека из окружающей действительности, осознания им собственного «Я» как нечто обособленного и противопоставляемого всем остальным предметам внешнего мира и членам той человеческой общности, к которой он принадлежал [6, с. 222].

Данная работа выполнена в рамках лингвокультурологического направления языкознания и посвящена исследованию национально-культурной семантики лексем с семантикой единичности и первоначала в кабардино-черкесском языке. С античных времен числа и нумеративы служили объектом исследования различных областей знания. На современном этапе развития лингвистической науки мы можем говорить о весомости изучения национально-культурно значимых понятийных категорий. Важной составляющей понятийной системы мышления человека являются и числа, выраженные в лингвистике числительными. В адыгском языкознании имеются работы, освещающие национальную специфику и семантику некоторых числительных. Лексемы с семантикой единичности и первоначала обладают богатой культурной семантикой. Необходимость комплексного анализа этноспецифики и семантики лексем *зы* («один»), *япэ* («первый»), *закъуэ* («одинокий», «единственный») определяет **актуальность** исследования.

Задачи исследования:

1. Проследить функционирование и семантику числительного *зы* («один») в лексических единицах и устойчивых выражениях кабардино-черкесского языка.
2. Изучить специфику репрезентации сакральной семантики числительного *япэ* («первый») в кабардино-черкесском языке.
3. Выявить этноспецифику употребления лексемы *закъуэ* («одинокий», «единственный») в кабардино-черкесском языке.

Методы исследования. При выявлении особенностей функционирования и семантики лексем *зы* («один»), *ялэ* («первый»), *закъуэ* («одинокий», «единственный») использовались методы сплошной выборки, систематизации, классификации и контекстуального анализа.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные изучению культурной семантики числительных, символики чисел, этимологии, адыгской культурной традиции: Б. Ч. Бижоева [6], М. М. Маковского [15], С. Х. Мафедзева [16], Дж. Тресиддера [22] и т.д.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в лекционных курсах по морфологии, лексикологии, лингвокультурологии кабардино-черкесского языка.

Функционирование числительного *зы* («один») в кабардино-черкесском языке

Лексема *зы* («один») в кабардино-черкесском языке имеет несколько значений: **1.** (в значении числительного) «один»; **2.** (в значении существительного) «один», «одна», «одно»: *зы жылэн, нэгъуэцI гур цIэн* – «говорить одно, делать другое» [20]; **3.** *зыри* «никого, ничего, никто, ничто»: *зы зимылэм, выжьитI илэм* [5, с. 78]. / «Не имеющий ничего (букв. одного) имел двух волов». Основная функция числительного *зы* («один») в кабардино-черкесском языке – это выражение количественной семантики, репрезентирующей в языке словоформами *зырыз* (*зы* («один») + интерфикс *-ры-* + *зы* («один») («по одному»)) (разделительное числительное) – *мылэрысэ зырыз* («по одному яблоку»); *зэ* («один раз»), *зэ жылэн* («сказать один раз») (кратное числительное); *езанэ* (префикс *е-* + *зы* («один») + суффикс *-анэ*) (порядковое числительное) – *езанэ класс* («первый класс»); *ялэ* (порядковое числительное) – *ялэ унэ* («первый дом»). Семантическим ядром приведенного ряда словоформ служит количественное числительное *зы* «один»: *зы пэи* «одна комната», *зы тхылъ* («одна книга») (примеры и переводы авторов статьи. – Б. Б., М. Х.).

Будучи наименьшим из натуральных чисел, числительное *зы* («один») содержит в себе семантику малого, незначительного количества. *Зэ бакъуэмэ, тIу зегъэпсэху* [10, с. 27]. / «Мало делает, много отдыхает» (букв.: «Один раз шагнет, два раза отдыхает») (здесь и далее перевод авторов статьи. – Б. Б., М. Х.). *Зы дэ цыкIуэ угу сыкэкIати, ари кунэфу кыцIэкIащ* [Там же, с. 79]. / «Обещал малое и того не выполнил» (букв.: «Подарил ты мне один орешек, и то он оказался пустым»).

Однако в кабардино-черкесском языке обнаруживаются языковые устойчивые единицы, в которых исследуемое числительное заключает в себе общую семантику весомости. Такие языковые единицы, как правило, имеют в своем составе бинарную оппозицию *зы* («один») – *тIу* («два»), *зы* («один») – *цэ* («сто»), *зы* («один») – *псо* («весь», «все») и т.д. К примеру: *ПлутI (лы «мужчина» + тIу «два») мыхъумыцIэ нэхрэ зылI* (*зы* «один» + *лы* «мужчина») *хъуащIа* [2, н. 56]. / «Чем двое бестолковых мужчин, лучше один толковый». *Зы бжъыхъэ махуэм цымахуэ псо уегъащэ* [3, н. 43]. / «Один осенний день кормит всю зиму».

В сочетании с лексемами с семантикой небольшого, незначительного количества, малого временного промежутка числительное *зы* («один») усиливает идею малого количества. К примеру: *Зы дакыкъэм* [10, с. 77]. / «В одну минуту». Устойчивые выражения с составным количественным компонентом *зы* («один») могут иметь семантику медлительности: *И зыгъазэ зы мазэц* [23, с. 187]. / «Слишком медлительный» (букв.: поворачивается раз в один месяц).

В комплексе с лексемой *гур* числительное *один* выступает в значении «какой-то», «некий», «однажды». К примеру: *зы махуэ гуэрым* («однажды») (букв.: в один какой-то день): *Нысэр зы махуэ гуэрым и гуащэм елэуащ:* – *Уа, ди гуащэ, икIи удэкIыркъым, икIи удэплъыркъым, тIэкIу мэуэ уи нэгу зегъэужь, хъэблэр кызэхэкIухъ* [4, н. 7]... / «Однажды (букв.: в один какой-то день) сноха попросила свою свекровь: – О, моя свекровь, ты не выходишь и не выглядываешь, походи немного по кварталу, развей...».

В кабардино-черкесском языке семантика схожести, единообразия, передаваемая числительным *зы* («один»), закрепились в выражениях *зы выбжъэц* [10, с. 43]. / «Пара сапог», «Одинаковы» (букв.: рога одного вола); *зы вым тет бжъакъуитIу* [8, с. 55]. / «Люди одного склада, один другого стоит» (букв.: два рога одного вола).

Семантика сплоченности и дружбы, передаваемая числом *зы* («один»), закрепились в выражениях кабардино-черкесского языка *зы жьэу* – «в один голос»: *Зырыкъуажэу зы жьэу Жэбагы и унафэр дагыгъащ* [17, н. 178]. / «Все село в один голос поддержало решение Жэбаги». *ЗылI (зы «один» + лы «мужчина») и быну* – «сплоченно» (букв.: словно дети одного мужчины): *ЗылI и быну дывгъэлажъэ, маржэ* [20]? / «Давайте будем работать сплоченно (букв.: словно дети одного мужчины), маржа!» (маржа – клич, призыв). *Я псэр зы чысэм илэц* – «дружат» (букв.: их души в одном кисете): *Бэтокъуэ и гъусэу уэтэрым токI Чылари. А тIуми я псэр зы чысэм илэц* *жыхуаIэм хуэдэт* [24, н. 225]. / «Вместе с Батоко стан животноводов покидает и Киляр. Они были из тех, о ком говорили “их души в одном кисете”».

Ялэ («первый») в кабардино-черкесском языке

Лексема *ялэ* имеет в исследуемом языке несколько значений. **1.** «первый»: *ялэ унэ* («первый дом»); **2.** «первоначальный», «самый ранний»: *гъащIэм и ялэ илгъэхэр* («первые годы жизни»); **3.** «высший по значимости, лучший по качеству»: *ялэ увынIэр къэхъын* («занять первое место») [20]. Наряду с лексемой *ялэ* («первый») следует рассматривать и слова *цытэ* («впервые») и *пэ* («начало»). К примеру: *цытэлъагъу* («первая встреча, первое знакомство с кем-чем-л.»), *цытэлху* («первенец»), *цытэлI* («первый муж»), *джатэпэ-рыжэ* (*джатэ* «меч» + *пэ* «передняя часть» + интерфикс *-ры-* + *жэ* «бежать») («первым бросающийся в атаку, бесстрашный») [Там же] и т.д.

В адыгской культуре первым действиям, первому явлению придавалось сакральное значение. Считалось, что хорошее, благополучное начало обуславливает успешное завершение работы. Первые действия

сопровождались в традиционной культуре адыгов особыми ритуалами. В кабардино-черкесском языке закрепилось достаточное количество этнолексем, служивших наименованием таких ритуалов, игр и явлений: *цыпэшэж* («первое возвращение новобрачной в дом родителей»), *вакфуэццэж* («человек, впервые выезжающий на пахоту»), *шыпэтес* («торжество, устраиваемое в честь мальчика, впервые садившегося на коня»), *мастэнищ* («обряд первого шитья новобрачной в окружении соседских девушек»), *мастэхьэлыуэ* («название кабардинского блюда из пшеничной муки, масла и сахара») (в честь первого шитья невесты в доме мужа) [Там же] и т.д. Особое внимание уделялось земледельческому ремеслу. Например, если к пахарям с кем-нибудь из взрослых в первый раз приезжал мальчик, то для него бабушка должна была сделать угощение, которое называлось «сарыхыхьэ» (за вхождение в рабочую среду) [16, с. 125].

Первый шаг ребенка у адыгов отмечают торжественно. В кабардино-черкесском языке функционирует лексема *лъэтеувэ* («название обряда в честь того, что ребенок начал ходить») [20]. Во время обряда первого шага «определяли» будущую профессию ребенка. Для этого халву (*хьэлыуэ* – традиционное блюдо из пшеничной муки, топленого масла и сахара) на адыгском круглом столике покрывали белым чистым материалом, а сверху раскладывали различные вещи и предметы: принадлежности конской сбруи, мелкие вещи из амуниции воина, последнее время – карандаши, книги и др. Когда для девочек стали устраивать обряд, перед ней раскладывали вещицы женского рукоделия, ножницы, игольницы [16, с. 126-127]. Ребенка ставили недалеко от столика. В зависимости от того, к какому предмету малыш притрагивался в первую очередь, определяли его будущую профессию и ремесло. Когда ребенку исполнялся год и зарастало темечко, ему брили голову – снимали «мышинные волосы». Считалось, что ребенок становится похожим на того, кто первым сбрил волосы. В связи с этим в адыгской лингвокультуре закрепилось выражение: *Сабийм и дзыгьуэццэхьэцыр япэ зыпсам ецхь мэху* [13, с. 46]. / «Ребенок становится похож на того, кто в **первый раз** побрил его волосы». И поэтому приглашали мужчину с уравновешенным, добрым характером и веселым нравом.

В адыгской культурной традиции закрепилось значительное количество примет, поверий и суеверий, связанных с первыми событиями и явлениями. К примеру: *Гьатхэм япэ плъагьу хьэндьрабгьуэм ецхьу уи фэр йоклуэж, жагэрт* [21, с. 40]. / «Говорят, что лицо человека приобретает цвет **первой** увиденной весной бабочки»; *Гьатхэм япэу хьэндьрабгьуэ плъыжь плъагьуну фьыц, жагэрт* [Там же]. / «Говорят, что увидеть весной **первой** красную бабочку – это хорошо, к счастью»; *Гьатхэу япэу чыцл плъагьумэ нэхьыфьыц, цынэ нэхьрэ: цынэ плъагьумэ, лэпкьлэпкьыр хьэлъэу гьэр йокуэж, жагэрт* [Там же]. / «Говорят, что увидеть весной **первым** козленка лучше, чем ягненка, потому что ягненок – знак того, что человеку в этом году будет трудновато»; *Гьавэццлэр зейм япэ лухуэжмэ нэхьыфьыц, хамэ лухуэ нэхьрэ, жагэрт* [12, с. 46]. / «Говорят, что зерно от нового урожая должен **первым** съесть его хозяин, а не кто-то чужой».

Языковые единицы с составным компонентом *япэ* («первый») могут приобретать и отрицательную семантику. *Удым и удыгьэр япэ кьрегьэц* [10, с. 251]. / «Колдун ловко пользуется своим колдовством». Обычно так говорят в тех случаях, когда провинившийся человек заранее начинает оправдываться и обвинять других. *Япэ кьэсыр* («первый встречный») [20]. К примеру: *Удым и удыгьэр япэ кьрегьэц жыхуалэу, сэ зыхузогьэгусэ жысгэурэ, эзым зыкьысхуигьэгуса си гугьэц мыбы* [7, н. 67]. / «Как говорят, колдун ловко пользуется своим колдовством – пока я думал на него обижаться, он сам обиделся на меня». *Сыт мы жылым ауану дыццыхьэплъхьар? Япэ кьэсыр кьытцыдыхьэишхьу, уэрамым дыкьыдыхьэну дыхуимыту, мы дызыхьэбдза бэлыхьыр зиццысыр сыт* [9, н. 25]? / «Зачем ты нас выставил посмешищем, над нами смеется **первый встречный**, нам стыдно показаться на улице, каким мучениям ты нас подвергаешь?».

Отрицательную семантику может приобретать и лексема *япэнэс* «первым приходящий (куда-л.)» (в жажде наживы или с целью распространения какой-л. информации): *Агьнокьуэ Лашэ молэм зыхуигьазуэ Унэццаклуэу уяпэнэсц, Уздынэсым уаз мыхьур уот, Кьыуамытлэмэ, захуогьэгусэ* [1, н. 100]. / «(Ляша Агноков, обращаясь к мулле) В жажде наживы ты **первым приходишь**. Когда приходишь, проповедь даешь лукаво. Обижаешься, когда тебе ничего не дают».

Лексема *закьуэ* «единственный», «одинокий» в кабардино-черкесском языке

Наряду с перечисленными лексемами следует рассматривать и слово *закьуэ*, которое имеет в кабардино-черкесском языке два значения: **1.** «единственный»; **2.** «одинокий» [20]. Один – число, символизирующее первичную цельность, Божественную сущность (или Создателя), свет или солнце, источник жизни [22, с. 243]. В кабардино-черкесском языке семантика цельности, единичности, неповторимости транслируется через лексему *закьуэ*, и она закрепилась в выражениях *Алыхь закьуэ* [20]. / «**Единый** бог»; *Я си тхьэ закьуэ* [14, н. 60]! / «О, мой **единый** бог!».

В кабардино-черкесском языке функционирует немало лексем с составным компонентом *закьуэ*: *фоч закьуэрыуэ* «одностволка»; *шэзакьуэрыуэ* «однозарядное ружье»; *шызакьуэ* *Лэжьэ* «одноконные сани»; *шызакьуэуэ* «одноконная повозка, бричка» [20] и т.д.

Устойчивые выражения с лексемой *закьуэ* в кабардино-черкесском языке могут содержать в себе семантику симпатии: *Дуней закьуэ* [10, с. 85]. / «Ненаглядный, единственная жизнь»; семантику уязвимости: *Кьру закьуэр уэгум кьинэм, клуэдыгьуафлэ мэху, лы пелуаныр закьуэ хьуамэ, сабий хуэдэ кьонэ!* [18, н. 20]. / «Если **одинокий** журавль остается в небе, то вскоре погибает, если сильного мужчину настигает **одинокство**, он становится как дитя».

Закьуэ употребляется в кабардино-черкесском языке как составной компонент мифологем и функционирует в качестве антропонимов. К примеру: *иныжь нэ закьуэ* («одноглазый великан») (букв.: великан с единственным глазом): *Иныжь нэ закьуэр узижагьуэм и махуэу бзаджэц, абы и кьарур здынэсыр зыми*

иццIэркъым [4, н. 7]. / «Одноглазый великан (букв.: великан с единственным глазом) был очень злым (хитрым), и никто не знал, насколько он силен». *И натIэгунэ закъуэ ису иныжъ* («одноглазый великан») (букв.: великан с единственным глазом в центре лба): *Абы (къуэнэфым) дьдэту дехьурэ, зы иныжъ и натIэгунэ нэ заакъуэ ису, абрэмывэхэр IэдакъэкIэ идзу къуэ кIуэцIыи дэту тлэгъуац* [19, н. 194]. / «Идем мы (по глухому оврагу) и видим одноглазого великана (букв.: великана с единственным глазом в центре лба), который локтями кидает по оврагу огромные камни». В кабардино-черкесском языке закрепилось выражение *и натIэгунэ закъуэ исми мыцIэн (мыцIыхун)* [20]. / «Совершенно не знать кого-л., не иметь никакого представления о ком-л.». «*Щэрэлыкъуэ Закъуэ и къуэ», хужалэрт Шолэхъум. Абы гушыIэ хэлът зы лъэныкъуэкIэ. Щэрэлыкъуэ и закъуэут къызэркIухьыр, хъэцIанIэ, хъэгъулIыгъуэ цыкIуэхэм деж. Адрейуэ, пэж дьдэу, абы и адэм и цIэр Закъуэут* [25, н. 72-73]. / «О Шолохе говорили: “сын Шерелуко Зако”. С одной стороны, в этом была доля шутки, так как Шерелуко всегда ходил в одиночестве, даже когда ходил в гости и на свадьбу. С другой стороны, отца Шолоха действительно звали Зако».

Выводы. Лексемы *зы* («один»), *япэ* («первый») и *закъуэ* («единственный», «одинокий») достаточно употребительны и имеют выраженную национально-культурную семантику. При этом не приходится говорить о явной положительной или явной отрицательной коннотации. Числительное *зы* («один») употребляется в основном для передачи семантики малого количества. При контекстуальном анализе обнаруживаются единицы, в которых *зы* («один») имеет семантику весомости, семантику схожести, единообразия, семантику сплоченности и дружбы.

Для адыгской культурной традиции характерно внимание к первому действию, первым людям, входящим в новый дом, первым явлениям природы, рождению первенца, первым шагам ребенка, которые репрезентируются в кабардино-черкесском языке лексемами и выражениями со словами *япэ* («первый»), *япэу* («первые»), «сначала»), *цыпэ* («первые»). В адыгской лингвокультуре немало количество примет, посвященных первым событиям и явлениям.

Лексема *закъуэ* в кабардино-черкесском языке транслирует семантику одиночества, цельности, неповторимости. Кроме того, обнаружались языковые единицы, в которых лексема *закъуэ* имеет семантику уязвимости и симпатии. При функциональном участии лексемы *закъуэ* в кабардино-черкесском языке образуются антропонимы и мифологемы.

В рамках одной статьи сложно охватить все семантические особенности исследуемых лексем. В работе обзорно представлены их основные этноспецифические семантические признаки. **Перспективы дальнейшего исследования** мы видим в более подробном и детальном исследовании этноспецифики и функционирования лексем *зы* («один»), *япэ* («первый») и *закъуэ* («единственный», «одинокий») с привлечением большего фактологического материала.

Список источников

1. Агънокъуэ Л. У. Усэхэр. Налшык: Эльбрус, 2016. 256 н.
2. Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэргъуэхэмрэ (абыхэм я мыхъэнэр гъэщыпкъауэ). Адыгэ Iуэрыуатэм и антологие зэужь / зэхэзылъхьар Л. Iэ. Гъут. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъ къыдэгъэкIынымкIэ и къудамэ, 2016. 364 н.
3. Адыгэ псалъэжъхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. 328 н.
4. Аслъэн сымаджэ: Таурыхъхэр. Налшык: Эльбрус, 1975. 152 н.
5. Балова И. М., Кумыкова М. М. О символике числа «один» в кабардинских паремиях // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3 (12). С. 77-79.
6. Бижоев Б. Ч. Объективная детерминация способов функционирования частей речи // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 2005. Вып. 12. С. 211-225.
7. Елгъэр Ч. Лъагъуныгъэм и бзэ // Iуашхъэмахуэ. 2013. № 4. Н. 45-74.
8. Емузов А. Г. Англо-кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1992. 368 с.
9. Журт Б. Къу. Унагъуэ: роман. Налшык: Эльбрус, 2004. 200 н.
10. Карданов Б. М. Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. 341 с.
11. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REEL-book, 1994. 608 с.
12. Кудаева З. Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. Нальчик: Эльбрус, 2008. 294 с.
13. Кудаева З. Ж. Человек в адыгских мифопоэтических воззрениях // Вопросы кавказской филологии. 2011. № 8. С. 42-50.
14. КIэрэф М. Ж. Лъэужь е лIэужь. Повестхэр. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н.
15. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.
16. Мафедзев С. Х. Адыги. Обычаи и традиции. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 359 с.
17. Мэлбахъуэ Е. Т. Iуашхъэмахуэ кIуэ гъуэгур шынагъуэт: роман. Налшык: Эльбрус, 1986. 383 н.
18. Нало З. М. Тхыгъэ къыхэхэхэр томишым цызэхуэхъэсауэ. Налшык: Эльбрус, 2014. Япэ том. Новеллэхэр. 464 н.
19. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа, 1995. 560 н.
20. Словарь кабардино-черкесского языка [Электронный ресурс]. URL: https://kabard_cherk.academic.ru/ (дата обращения: 25.09.2020).
21. Таов Х. Т., Батырова Л. Х. Адыгский календарь: учебное пособие. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2004. 47 с.
22. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
23. Хежева М. Р. Образ человека в нумеративных фразеологизмах кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. 1. С. 186-188.
24. Шортэн А. ТI. Бгырыхъхэр: роман-эпопея. Налшык: Эльбрус, 2016. 1224 н.
25. ШэджыхъэцIэ Хь. ТI. ЛышцIэж. Роман, повесть, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1992. 432 н.

Lexemes with Semantics of Singleness and Primordality in the Kabardino-Circassian Language: Ethnic Specificity and Functional Peculiarities

Bizhiov Boris Chamalovich, Dr
Khezheva Mar'yana Rashadovna, PhD
Institute for the Humanities Research –

Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
bizhiov1952@mail.ru; maryana.khezheva@yandex.ru

The research objective includes identifying functional-semantic features of the lexemes 'зы' (one), 'япэ' (first), 'закъуэ' (single, the only) in the Kabardino-Circassian language. Scientific originality of the study lies in the fact that for the first time in the Kabardino-Circassian linguistics, the authors provide a comprehensive functional-semantic analysis of the culturally valuable numeratives 'зы', 'япэ' and 'закъуэ' from the viewpoint of ethno-linguistics. The findings indicate that in the Kabardino-Circassian language, these lexemes possess both positive and negative meanings, their functional-semantic features are contextually determined.

Key words and phrases: Kabardino-Circassian language; functioning of numeratives; semantics; ethno-linguistics.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.30>

Дата поступления рукописи: 16.09.2020

Цель исследования заключается в научной разработке вопросов функционирования в текстах татароязычной арабографической периодической печати начала XX века одной из наиболее распространенных неличных форм глагола – причастия. **Научная новизна** настоящей статьи обусловлена тем, что впервые в татарском языкознании в рамках изучения грамматической системы текстов татарской периодической печати межреволюционного периода 1905-1917 гг. проводится исследование функционирования причастий прошедшего времени на примере текстов газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш». **В результате** проведенного научного анализа нами выявлено, что в текстах исследованных газет, наряду с кыпчакским показателем причастия прошедшего времени на -ğan, соответствующего современному причастию татарского литературного языка на -ган, также зафиксировано функционирование ряда причастных форм, свойственных огузским языкам.

Ключевые слова и фразы: старотатарский литературный язык; татарская периодическая печать; язык газеты; грамматическая система; формы причастия прошедшего времени.

Миннуллин Бахтияр Кимович, к. филол. н.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань
bahtiyar1986@yandex.ru

Формы функционирования причастия прошедшего времени в текстах татарской периодической печати начала XX века

Актуальность темы настоящей научной статьи обусловлена необходимостью исследования грамматических норм языка татароязычной арабографической периодической печати начала XX века, выполнявшей в рассматриваемый период, наряду с художественными произведениями, роль определенной платформы для функционирования старотатарского письменного литературного языка и его дальнейшего преобразования в национальный литературный язык. Благодаря научному изучению текстов письменных памятников рассматриваемого периода, в частности текстов периодической печати, возникает возможность проследить этапы функционирования форм причастий прошедшего времени в диахронии.

Начало XX века в развитии татарского народа определяется как особо бурный период, связанный с ростом национального самосознания в результате определенных общественно-политических и экономических изменений. Именно результатом таких изменений стало и возникновение национальной периодической печати у татар. Эти изменения не могли не отразиться и на лексико-грамматическом строении письменных памятников, созданных на старотатарском литературном языке рассматриваемого периода. Так, тексты татароязычных арабографических органов периодической печати, созданные в межреволюционный период 1905-1917 гг., все еще характеризуются наличием определенного количества традиционных общетюркских лексико-грамматических языковых элементов: усложняются огузским компонентом, вошедшим в употребление через османско-турецкое посредство, характеризуются наличием арабо-персидской лексики – но уже активно пополняются формами татарского народно-разговорного языка и русскоязычной лексикой.

Для достижения указанной выше цели необходимо решить ряд частных **задач**: осуществить научную разработку функционирования форм причастия прошедшего времени в текстах каждой из исследуемых нами газет;